

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.1>

УДК 330.837.1

JEL A11, A20, B52

Не тот эффект назвали блокировкой... («исправление имен» в российском институционализме)¹

Андрей В. ВЕРНИКОВ ¹ , Анна А. КУРЫШЕВА ²

¹ Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

² Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Для цитирования: Верников, А. В., Курышева, А. А. (2023). Не тот эффект назвали блокировкой... («исправление имен» в российском институционализме). *AlterEconomics*, 20(3), 485–504. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.1>

Аннотация. Статья направлена на устранение дублирующих и излишних сущностей из понятийного аппарата институциональной теории. Авторы рассматривают распространенное явление институциональной динамики, когда случайно возникший или привнесенный институт приживается и закрепляется настолько, что от него становится трудно избавиться, даже если большинство участников сообщества считает его неэффективным. Встречающийся в зарубежных статьях на эту тему английский оборот *lock-in* неточно переводится в русских текстах словом «блокировка». Выполнен анализ научного дискурса в области институциональной экономики и смежных общественных наук и прослежена история укоренения понятия «эффект блокировки» в литературе по институциональной экономике. Для исправления допущенной в 1997 г. неточности перевода предлагается называть блокировкой только соответствующий по сути эффект, а именно неприятие нового института. *Lock-in* же лучше переводить как «фиксация», «привязка», «заклинивание», «застревание», «необратимость». В статье приводятся также аргументы, почему не следует отождествлять *lock-in* с другим распространенным явлением в эволюции институтов — *path dependence* (эффект колеи, зависимость от пути предшествующего развития). Далее оценивается корректность перевода *lock-in* с помощью крайне популярной в России метафоры «институциональная ловушка». Также в статье обоснована некоторая вторичность проблематики, описываемой концепциями *lock-in*, *path dependence* и институциональной ловушки, по отношению к идеям, развитым в трудах традиционных институционалистов. Отмеченные авторами вопросы составляют значимое направление для будущих исследований в области истории экономической мысли, теории и методологии институциональной экономики, прикладных институциональных исследований.

Ключевые слова: институциональная экономика, исправление имен, научный дискурс, *lock-in*, блокировка

¹ © Верников А. В., Курышева А. А. Текст. 2023.

RESEARCH ARTICLE

Lock-in vs. Institutional Blockage: Lost in TranslationAndrei V. VERNIKOV ¹⁾ , Anna A. KURYSHEVA ²⁾ ¹⁾ *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*²⁾ *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation***For citation:** Vernikov, A. V., & Kurysheva, A. A. (2023). Lock-in vs. Institutional Blockage: Lost in Translation. *AlterEconomics*, 20(3), 485–504. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-3.1>

Abstract. In this article, we explore a well-known concept that explains how institutions can become deeply ingrained in a community, so that it becomes difficult to remove, even if most people consider them ineffective. This phenomenon can occur when institutions emerge by chance or are intentionally implemented. In English, this phenomenon is referred to as “lock-in”, but in Russian it has been inaccurately translated as *blokirovka* (literally “blockage”). This Russian word, however, conveys the opposite meaning, referring to the rejection or deliberate exclusion of a foreign or extrinsic institution from its native context. Our analysis of relevant sources uncovers the evolution of the “lock-in narrative” within institutionalist discourse and its transformation into the concept of “the effect of blockage” in Russian-language literature. To address this translation inaccuracy, which originated in 1997, we propose to reserve the term “blocking” exclusively for instances involving the rejection of a new institution. “Lock-in” is better understood as indicating irreversibility, a strong commitment to, or unwavering adherence to a specific social practice. We explain why it should not be confused with another widely recognized phenomenon in institutional evolution known as “path dependence”. Furthermore, we examine the frequently used Russian-language metaphor “institutional trap”, which is often interchanged with “lock-in”. We highlight that Original Institutional Economics had previously explored these unique cases of institutional evolution long before they were reintroduced into economic theory as part of the lock-in and path dependence narratives. Our paper contributes to the rectification of names (*zhèngmíng*) aimed at getting rid of redundant substances in academic discourse.

Keywords: institutional economics, rectification of names, academic discourse, lock-in, blocking, blockage

*Если на клетке слона прочтешь надпись:
«буйвол», — не верь глазам своим.
Козьма Прутков*

1. Введение

Появление, развитие и перенос институтов — это центральные темы для институциональной теории как классической, так и современной. В институциональной динамике часто наблюдается такое явление, когда случайно возникший или привнесенный институт приживается и закрепляется, при этом его эффективность и польза неочевидны, и в то же время изменить что-то в устоявшейся форме взаимодействий крайне сложно. Анализ этого явления встречается в работах самых разных ученых (North, 1990; Rodrik, 1996; Roland, 2000; Woodruff, 2004), в т. ч. и российских — как в силу некоторой вторичности отечественных разработок в данной сфере и вообще «провинциальности» нашего обществоведения по отношению к западному и особенно американскому (Соколов, Титаев, 2013), так и ввиду богатого эмпирического материала, накопленного с 1991 г. Многие авторы описали неудачные попытки переноса в Россию «западных» институтов (Кирдина, 2001; Полтерович, 2001; Кузьминов и др., 2005; Полищук, 2008; Верников, 2009; 2019; Вольчик и др., 2019; Тамбовцев, 2019; Курбатова и др., 2021).

В статьях зарубежных институционалистов случаи закрепления не самых лучших институтов могут описываться метафорой *lock-in*: ею воспользовался Нобелевский лауреат Д. Норт (North, 1990) и другие исследователи. В литера-

туре на русском языке закрепился, как нам кажется, неудачный и неточный перевод этого выражения — «блокировка» или «эффект блокировки». Слово «блокировка» само по себе значит, что новая норма как раз не смогла проникнуть и закрепиться на новой для себя почве и была отторгнута. Однако этому слову был постепенно придан прямо противоположный смысл: застревание в неэффективной практике при наличии других, более удачных вариантов. Мы считаем, что это недоразумение, и хотим восстановить точное значение термина, тем более что примеров блокировки и отторжения нового института больше, чем случаев их успешного приживания и укоренения.

Принято говорить о трудностях перевода или даже об утрате смысла в процессе перевода (*lost in translation*). Российских обществоведов эти трудности не смущают; к переводам и словам они относятся легко. В последние три-четыре десятилетия сотни иностранных терминов были перенесены в русский язык из английского, будучи, фактически, не переведены, а лишь транскрибированы кириллицей (Иншаков, Фролов, 2010, с. 31, 64, 71–72; Дьяков, 2012). Русские тексты и документы оказались так засорены невынужденными иностранными заимствованиями (для которых вполне можно было подобрать подходящее слово из числа уже имеющихся в языке), что понадобились корректирующие меры на правительственном уровне. Однако в данной статье обсуждается другой случай: когда английский термин переводится российскими учеными на русский язык творчески или слишком творчески с искажением словарного смысла слов, но с созданием новой (как правило, дублирующей) сущности, а собственная метафора затем позиционируется как новая научная концепция. Мы полагаем, что так произошло при переводе распространенных в англоязычной литературе понятий *lock-in* и *path dependence*. В результате их творческой интерпретации в российском обществоведении возникла самобытная теория «институциональных ловушек», получившая массу последователей благодаря удачной, хорошо запоминающейся метафоре. Кроме того, мы пытаемся разобраться в том, какое место явление *lock-in* занимает в институциональной теории.

Институциональная традиция подчеркивает роль риторических приемов как в политике организаций, так и в экономической науке (McCloskey, 1983; Whalen, 2022). Легковесное обращение с метафорами становится серьезным препятствием для добросовестной исследовательской работы (Веблен, 2006, с. 103–104). Научные понятия тесно связаны с практическими эффектами называемых явлений (Peirce, 1934). В своей книге «Инженеры и система цен» Т. Веблен прослеживает происхождение термина «саботаж» и настаивает на восстановлении его первоначального смысла (Веблен, 2018, с. 7).

Данная статья нацелена на участие в «исправлении имен» и продолжение традиции языкового анализа понятийного аппарата институциональной экономики (Иншаков, Фролов, 2010; Hodgson, 2019; Верников, 2020).

В следующем разделе статьи объясняется, в чем состоит смысловая разница между блокировкой нового института и эффектом *lock-in*, а также близким ему по смыслу явлением *path dependence* («эффектом колеи», зависимостью от прежнего пути развития). Третий раздел посвящен теории «институциональных ловушек». В заключении объединены выводы по данной теме.

2. Lock-in vs Блокировка в институциональной экономике

2.1 Lock-in u path dependence

Термин *lock-in* закрепилось в литературе по институциональной экономике благодаря Д. Норту, который охарактеризовал этим словом один из вариантов институциональной динамики, проведя аналогию между изменениями институтов и технологическими изменениями (North, 1990).

«В словаре Multitran¹ понятие *lock-in* переводится в том числе как замыкание, закрепление (в экономическом контексте); захват, привязка. Другие словари, содержащие примеры употребления терминов и выражений в предложении в зависимости от контекста, приводят несколько вариантов перевода слова *lock-in*: фиксация² (зафиксировать³), запирать⁴, привязка⁵, закрепление (закрепить⁶), заклинить⁷.

В текстах Б. Артура, на которого ссылается Д. Норт⁸, речь идет о выборе какого-то одного варианта технологии, например, организации движения по правой либо левой стороне улицы. Результат такой дилеммы негибкий, его трудно изменить. При выборе технологии сложно предсказать последствия и есть много разных рисков, но фиксация посредственной, не самой передовой технологии вызывает привыкание к ней и лишает систему гибкости (Arthur, 1983, р. iii, 2, 9, 14, 17–18). В статье «Самоусиливающиеся механизмы в экономической теории» Б. Артур определяет *lock-in* как однажды найденное решение, от которого потом трудно отказаться, не потеряв своей доли рынка, и приводит в пример стандарт видеокассет (Arthur, 1988, р. 10). Аналогично у П. Дэвида термин *lock in* означает «закрепить, зафиксировать» (технологический стандарт) (David, 1985, р. 334–335), причем подчеркивается необратимость (*irreversibility*) этого процесса вследствие обучения и привыкания (David, р. 336). Ссылаясь на Б. Артура, Д. Норт обозначил словом *lock-in* развитие институтов, когда зависимость организаций от институциональной матрицы и сопутствующие сетевые внешние эффекты порождают возрастающую отдачу от этой матрицы, фиксируя привязку к ней (матрице) (North, 1990, р. 7–8).

У нас сложилось впечатление, что в целом зарубежные авторы не слишком акцентируют концепцию *lock-in* для описания институциональных изменений. Высказывалось мнение, что роль концепции *lock-in* в институциональной динамике преувеличена, а на практике «замкнутость» системы не настолько велика,

¹ Словарь Multitran. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=lock-in> (дата обращения: 07.05.2023).

² Словарь Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/перевод/английский-русский/lock+in#-фиксации> (дата обращения: 07.05.2023).

³ Словарь Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/перевод/английский-русский/lock+in#зафиксировать> (дата обращения: 07.05.2023).

⁴ Словарь PROMT.One. URL: <https://www.translate.ru/перевод/английский-русский/lock%20in> (дата обращения: 07.05.2023).

⁵ Словарь Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/перевод/английский-русский/lock-in#привязка> (дата обращения: 07.05.2023).

⁶ Словарь Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/перевод/английский-русский/lock+in#закрепить> (дата обращения: 07.05.2023).

⁷ Словарь WoordHunt. URL: <https://woordhunt.ru/word/lock+in> (дата обращения: 07.05.2023).

⁸ В качестве источника термина *lock-in* Д. Норт указал работу (Arthur, 1988). На самом деле, Б. Артур начал писать об этом еще в препринте 1983 г. «О соревнующихся технологиях и незначительных исторических событиях: динамика выбора при возрастающей отдаче» (Arthur, 1983).

как обычно постулируется в литературе: политическая система имеет больше степеней свободы, чем это кажется, и достаточно крупные изменения могут происходить во вновь возникающем «институциональном слое» (Thelen, 2009, p. 484).

В ряде русских статей *lock-in* отождествляется с другим распространенным явлением в эволюции институтов, а именно *path dependence* (зависимость от пути / траектории предшествующего развития; «эффект колеи»¹). По каким-то причинам страна удерживается на традиционной для себя траектории движения. Эффекты *lock-in* и *path dependence* близки по смыслу и часто сопряжены между собой, однако все же не тождественны².

Считается, что понятие *path dependence* вошло в лексикон экономистов после работы П. Дэвида (David, 1985). Чтобы доказать, что «экономисты забыли историю», П. Дэвид приводит исторический нарратив о том, как рыночный успех может сопутствовать технологическому стандарту даже при наличии более «эффективных» или практичных альтернатив. Этим он хочет сказать, что последовательность экономических изменений зависит от траектории предшествующего пути развития, от влияния отдаленных событий и случайных фактов, которые экономисты, как правило, просто не учитывают (David, 1985; 1994). В том, что касается влияния случайных, преходящих факторов на динамику технологической конкуренции при возрастающей отдаче, на П. Дэвида повлияли работы Б. Артура. Одна из статей последнего построена на анализе траектории (*path*) развития событий и технологий (Arthur, 1983, p. 13). В статье 1987 г. термин *path-dependent processes* уже вынесен в заголовок (Arthur et al., 1987).

Есть еще одно близкое по смыслу выражение — *QWERTY-effect*. Оно отсылает к случаю клавиатуры с раскладкой *QWERTY*, которая стала всем привычной и воспроизводится на миллионах устройств, хотя потом появлялись и другие раскладки, выглядевшие более логично. Из-за расположения кареток машинисткам было удобно набирать текст на клавиатуре *QWERTY*, т. е. эта технология делала работу более, а не менее эффективной по сравнению с другими вариантами. Возможно, имело место лоббирование со стороны производителя или договоренности по сбыту. Эффективность — это не только производительность, в данном случае скорость печатания. Когда к этому стандарту привыкли, то переобучение обошлось бы дорого. Зависимость от предыдущего решения привела к *lock-in*.

Д. Норт развил концепцию *path dependence* уже применительно к выбору институтов. Как и в случае с понятием *lock-in*, он (в отличие, например, от П. Дэвида) не ссылается на Т. Веблена и исходную институциональную школу. И это несправедливо, потому что соответствующая проблематика уже была описана родоначальниками институционализма с помощью понятий кумулятивности, причинно-следственной связи, инерции, эволюционного опривычивания социальных норм (Veblen, 1922): на возникшую неопределенность (а любые новые обстоятельства содержат в себе ту или иную долю неопределенности) люди склонны реагировать привычным способом, опираясь на накопленный опыт и знания, тогда как для успешной адаптации к новым условиям могут потребоваться новые спо-

¹ Удачный, на наш взгляд, вариант перевода этого понятия как «колеи» («проблема колеи») предложил А. А. Аузан (2007, с. 54).

² На необходимость разграничения понятий обратил внимание, например, А. П. Заостровцев в своем докладе «Критические моменты и эффект колеи в институциональной истории» на Российском экономическом конгрессе 2023 г. URL: <http://www.econorus.org/con2023/program.phtml?vid=report&eid=4779>

события реагирования. Суть институционального подхода как такового состоит в том, что эмоциональная приверженность, факторы самоидентификации или простая привычка могут повлечь следование знакомым поведенческим схемам и традициям, даже если они кажутся «нерациональными» или «неэффективными» невовлеченному наблюдателю, либо затратны, убыточны (Schmid, 2004). Строго говоря, институциональная традиция и выстроена на той идее, что привычка составляет основу мышления и поведения (Veblen, 1922; 1961; Gruchy, 1947; Commons, 1959; Hodgson, 2004). «Самый устойчивый фактор в любой цивилизации — это устоявшийся образ мысли», — считал Т. Веблен (Веблен, 2018, с. 100).

Мы не беремся оценивать достоверность описанного П. Дэвидом случая, хотя она ставилась под сомнение (Нуреев, Латов, 2006, с. 229–230). Но ученый акцентировал внимание на том, что общепринятая экономическая теория упускает из вида неудобные для себя факты, которые институциональная теория давно смогла объяснить, в частности, «необратимость, возникшую вследствие обучения и опривычивания» (*irreversibilities due to learning and habituation*) (David, 1985, p. 336). Еще Т. Веблен писал о проблеме маленького размера железнодорожных вагонов в Британии и о бремени технологического лидера (Veblen, 2003). Парадоксальным образом именно институционалисты сразу же подхватывают идеи Дэвида и Артура и преподносят их читателю в новой обертке с отсылкой на «симбиоз институтов и организаций», «институциональную матрицу» и «структуру стимулов» (North, 1990; Норт, 1997).

2.2. Блокировка

Смысл рассуждений Б. Артура о *lock-in* в плане пути развития технологий понятен. Было бы неуместно сказать, что какой-то технологический стандарт «заблокировался». А ведь именно так («блокировка») впоследствии станут переводить в русских изданиях абсолютно аналогичные по смыслу пассажи, относящиеся к институциональной динамике. Началось это, как нам удалось установить, в 1997 г., когда вышел перевод книги Д. Норта, в котором смысл выражения *lock-in* был передан как «блокирование» в подтверждение тезиса «однажды принятое решение в дальнейшем трудно изменить» (Норт, 1997, с. 122). Появляется также словосочетание «эффект блокировки» — «результатирующее направление институциональных изменений формируется, во-первых, „эффектом блокировки“, возникающим вследствие симбиоза (сращивания) институтов и организаций...» (Норт, 1997, с. 23). В том же году *lock-in* был отождествлен с «эффектом блокировки» в статье в самом влиятельном отечественном журнале «Вопросы экономики» (Нестеренко, 1997). Это не удивительно: ведь и автором статьи, и переводчиком книги Д. Норта был один и тот же человек, известный российский экономист А.Н. Нестеренко.

С того момента «процесс пошел». Поиск в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (по состоянию на 02.06.2023 г.) показывает, что с 1997 г. на русском языке по специальности «Экономика. Экономические науки» опубликовано 277 статей и книг, содержащих точное словосочетание «эффект блокировки»¹ (при нестрогом соответствии словосочетания поиск выдает 2 515 результатов).

«Блокировка» появилась среди предлагаемых вариантов перевода выражения *lock-in* в современных онлайн-словарях, скорее всего, из-за устоявшейся традиции

¹ Мы допускаем, что часть авторов из этого массива статей использует слово «блокировка» корректно и по назначению, т. е. для описания недопуска нового института, а не случаев его фиксации (*lock-in*).

именно такого словоупотребления в научном дискурсе (произошла обратная индукция). При этом из примеров, приводимых словарями, все равно видно: блокировка предполагает изоляцию, остракизм по отношению к тому, кто оказывается заблокированным.

Применительно к нашей тематике, блокировка означает воспрепятствование внедрению нового правила, продвижению деятельности, практики, реформы; лишение поддержки в принятии решений; оставление в вакууме идеи, изоляцию или игнорирование инициативы и поддерживающей ее группы. В своем прямом (и корректном) смысле слово «блокировка» тоже встречается у отечественных авторов: блокировка реформ, преобразований, законодательных инициатив (Кузьминов и др., 2005, с. 15; Шариков, 2013; Макарин, 2016, с. 37; Веселов, Яркин, 2022), блокировка нежелательных сценариев развития промышленности (Нечаев, Любкина, 2021, с. 98), блокирование развития общества (Гоосен, Попова, 2015), блокировка связи между телевидением и обществом (Шариков, 2013).

В других работах описана суть явления блокировки, хотя и не фигурирует само это слово. Например, институт научной репутации в России «не прижился», и большинство университетов, научных организаций и членов сообщества систематически допускают практики, которые были бы сочтены нарушением академической этики в других научных сообществах (Олейник, 2019). Из контекста рассуждений понятно, что групповые интересы заблокировали институт научной репутации¹.

2.3 Разграничение понятий *lock-in* и «блокировка»

Столь полюбившееся русским коллегам слово «блокировка» является производным от глагола «блокировать» и, согласно Толковому словарю С.И. Ожегова, означает, что кого-то или что-то подвергли блокаде, парализовали активность (например, игрока в командных играх), закрепили в определенном положении (например, часть машины, устройства для предотвращения аварийной ситуации, т. е. буквально отрезали от других или обездвижили)². В Толковом словаре В.И. Даля «блокировать» имеет схожие коннотации и относится к военным действиям: «облагать, облегать, осаждать, оцеплять, обнимать войском с суши или с моря, лишая всякого сообщения»; блокирование, блокировка, блокада являются производными существительными: «осада, осаждение, обложение..., оцеп, оцепление, окружение, охват, отрез»³.

Что касается упомянутых у С.И. Ожегова командных игр, то в хоккее блокировка квалифицируется как нарушение правил, когда игрок препятствует свободному перемещению соперника по льду; выставляет бедро игроку команды соперника и препятствует его перемещению в зону атаки, вынуждая объезжать себя; предотвращает попытку отбора шайбы соперником у партнера хоккеиста по команде, владеющего шайбой; не дает сопернику возможности занять позицию для приема передачи; перемещается в сторону, чтобы помешать перемещениям соперника,

¹ В послесловии к данной книге использовано выражение «блокировка свободомыслия» (Макаренко, 2019, с. 263).

² Ожегов, С. И. (2017). *Толковый словарь Ожегова онлайн*. URL: <https://slovarozhegova.ru/letter.php?charkod=193> (дата обращения: 07.07.2023).

³ Даль, В. И. (1863). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Часть первая. А.-З. / Соч. В.И. Даля. Ч. 1–4. Москва: Издательство общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском московском университете. Типография А. Семена.

не давая ему занять правильную позицию; препятствует сопернику при попытке подобрать какой-либо элемент снаряжения со льда. Мы входим в эти технические детали, чтобы не осталось сомнений: речь идет о препятствовании действиям соперника, особенно атакующим, а не о закреплении или тем более «запирании» соперника в своей зоне (*lock-in*).

В англоязычной литературе по институциональной динамике глагол *block* (блокировать) и его производные *blocking*, *blockade* и *blockage* тоже присутствуют. В поиске системы Google Академия выдается 18,3 тыс. результатов (по состоянию на 02.06.2023 г.) появления понятия *lock-in* в контексте с *institutional change*; сочетание терминов *block* и *institutional change* встречается аж 82 тыс. раз; *blocking* и *institutional change* — 18 тыс. раз.

Д. Родрик использует слова *block* и *blocking* для объяснения препятствования проведению экономических реформ (Rodrick, 1996, p. 22, 37), но к выражению *lock-in* он при этом не прибегает. Сопротивление реформам со стороны граждан обозначается словом *resistance* (Fernandez & Rodrik, 1991). В своей книге о приватизации в Польше и России Ж. Ролан активно использует слово *block* (Roland, 2000, p. XX, XXV, 16, 25, 27, 72, 152). Этим же словом описываются случаи наложения вето на законопроекты, блокировки реформ, законодательных инициатив и решений (Thelen, 2009; Hacker et al., 2015; Farrell & Héritier, 2007; Waylen, 2013, p. 9; Сароссia, 2016). Бывает блокировка институциональных изменений в организации (Beckert, 1999, p. 792), институциональная блокировка (*institutional blockage*) (Ansell, 2008, p. 210).

Во всех перечисленных статьях *lock-in* по смыслу отграничен от акта блокировки. Считаем, что четко разделять понятия *lock-in* и *block* надо и по-русски. Ведь блокировка означает отторжение институциональной инновации, препятствование институциональным изменениям. А в тех русских статьях, где приравнивают *lock-in* к блокировке, возникает противоположная коннотация, т. е. смысл меняется чуть ли не на противоположный.

А.А. Аузан, описывая «эффект колеи», перевел *lock-in* как «эффект замка» (Аузан, 2007, с. 56). Но при чем тут замок, кто или что находится под замком? Ведь соответствующая норма становится общественным стандартом и приживается, получает широкое использование. Речь здесь идет, скорее, о фиксации, застревании.

Еще пример: «...вследствие эффекта блокировки (*lock in*) уже явно неэффективные институты закрепляются и функционируют длительное время» (Вольчик, 2007, с. 89). (Непонятно, кто и кого здесь «блокирует», если норма укоренилась и успешно функционирует). Вводится словосочетание «блокировка на институте власти-собственности» (Вольчик, Бережной, 2006, с. 90). (Наверное, имелась в виду фиксация или необратимость данного института).

Нам представляется, что вследствие неточности перевода («блокировка» как русский вариант английского *lock-in*) есть склонность к чересчур расширительному использованию слова «блокировка». Им описывают как подходящие по сути ситуации, так и другие, которые по-английски обозначают метафорой *lock-in*, но по смыслу там что-то совсем другое: фиксация, закрепление, привязка, заклинивание, застревание, закливание, продолжение бесперспективной деятельности, вхождение в самоподдерживающийся режим (Верников, 2020, с. 32). Главное, что не «блокировка» или «эффект блокировки». Что делать с инерцией словоупотребления (когда ученые, особенно начинающие, цитируют авторитетных коллег,

не вникая в смысл слов) — пока непонятно. И все же, чтобы устранить произошедшее недоразумение, без некоторого «исправления имен» здесь не обойтись.

3. «Институциональная ловушка»

Выражение «институциональная ловушка» появилось в самом конце 1990-х гг. и стремительно стало популярным. Если кратко, то «институциональная ловушка» — устойчивый неэффективный институт или норма (Полтерович, 1999, с. 4, 11). По сути, В.М. Полтерович предложил «институциональную ловушку» как русский эквивалент *lock-in*¹. Устойчивость нормы²-ловушки, как и в случае с траекторией развития технологий у авторов-предшественников, означает, что «при небольшом временном внешнем воздействии на систему она остается в институциональной ловушке, возможно, лишь незначительно меняя параметры состояния, а после снятия возмущения — возвращается в прежнее равновесие» (Полтерович, 1999, с. 11–12). Новый концепт быстро оброс дополнительными теоретическими построениями и даже был оснащен определенным алгебраическим и модельным аппаратом (Полтерович, 2007; Балацкий, 2002).

«Институциональная ловушка» была яркой и запоминающейся метафорой. Научная новизна данного концепта состоит в его преемственности с понятием *lock-in* и идеями У. Артура и Д. Норта, как прямо указал сам автор (Полтерович, 1999, с. 4). Также есть явное смысловое пересечение с «эффектом колеи» (*path dependence*): любой действующий институт обладает инерцией, а отказ от него и попытка замены на другой сопряжены с издержками, величина которых может превзойти потенциальные выгоды. Попытка вырваться из «колеи» приводит к скачку, а затем к спаду, если не устранены причины попадания в «колею» (Аузан, 2007, с. 54). Кроме того, словосочетание «устойчивый институт» тавтологично, ведь понятие института подразумевает устойчивость конкретной социальной практики.

И Д. Норт, и Д. Родрик, и другие западные ученые знали и подробно рассуждали о каждом из элементов, составляющих, по мнению российских авторов, сущность «институциональной ловушки», т. е. об устойчивости и «неэффективности» института³. И Артур, и Норт говорили о *lock-in*, но не об *institutional trap* (прямой английский эквивалент «институциональной ловушки»), хотя такое словосочетание в английском языке, в принципе, есть. Впрочем, в большинстве случаев оно обнаружилось в работах, опубликованных в России или в переводах русскоязычных авторов.

Возможно, причина в том, что, по мнению Е. В. Балацкого, данный термин изначально «был предназначен для описания аномальных эффектов в «проблемных» — постсоциалистических — странах, что неявно предполагает его дальнейшее использование именно для отстающих в экономическом отношении государств»

¹ «В англоязычной литературе используется термин *lock-in*, который иногда переводят как «блокировка» (Полтерович, 1999, с. 11, сн. 13). Как мы попытались объяснить в предыдущем разделе статьи — довольно часто переводят ошибочно.

² Термины «институт», «норма» и «правило поведения» автор цитируемой статьи использует как синонимы.

³ Что такое «неэффективный» институт — отдельный вопрос. Как можно предположить по контексту, это любой институт, возникший в развивающейся стране и отличающийся от тех, которые уже существуют в Великобритании и США. Во всяком случае, ни у западных, ни даже у российских теоретиков нам не довелось встречать примеров «эффективного» автохтонного института, возникшего и развившегося в России; все их читателю предлагается «по умолчанию» считать лишь в разной степени «неэффективными».

(Балацкий, 2020, с. 29). В.М. Полтерович тоже отметил в самом начале, что «ловушка» является продуктом сознательных попыток реформирования и институциональных изменений, в частности, с помощью конструирования новых институтов и их импорта; это «непредвиденный результат макроэкономического управления в процессе реформ» (Полтерович, 1999, с. 5). Такой подход немного проясняет ситуацию, хотя и резко сужает сферу применения данного концепта, в отличие от универсальных концептов *lock-in* или *path dependence*. Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов сочли, что «ловушка» представляет собой частный случай или «специфическую разновидность эффекта, отличающуюся от тех, которые ранее привлекли внимание Артура и Норта» (Нуреев, Латов, 2006, с. 240). Примерно в то же время, описывая явление бартера (один из пяти исходных примеров «ловушек» у Полтеровича) и сопутствующие массовой приватизации процессы в России 1990-х гг., Ролан использует выражения *lock-in effect* (Roland, 2000, p. 168), *inefficient institutional lock-ins* (Roland, 2000, p. 249, 323). Оборот *lock-in* указывает на фиксацию способа взаимодействия между экономическими субъектами и пути развития (Roland, 2000, p. 189, 191, 229, 249–250). Вообще, пишущие по-английски иностранцы словами *institutional trap* пользуются редко и в несколько ином контексте (Верников, 2020). Им хватает уже существующих в институциональной теории концептов, а создание дублирующих сущностей и присвоение новых названий давно известным эффектам и явлениям там воспринимают не так благосклонно, как у нас. Концепт «институциональная ловушка» остался экзотичным русским эндемиком.

Мало кто внял предостережению автора концепции о том, что ловушкой является вовсе не всякий неэффективный институт (Полтерович, 2006). Научное сообщество с восторгом подхватило метафору «институциональная ловушка» и стало наклеивать этот ярлык на самые разнообразные явления и проблемы, даже не институциональные по своей природе и вообще вымышленные (наподобие «валютной ловушки» или «глобальной инвестиционной ловушки»). Выявление «ловушек» было в нашей стране поставлено прямо-таки на промышленную основу. Вдруг возникло множество «ловушек» — просто в силу того, что автору очередной статьи захотелось научнообразно осудить какое-то огорчающее его явление (например, относительно невысокий размер собственной зарплаты в университете) (Верников, 2020). Чересчур расширительное толкование и применение данного понятия лишает его строгости научного термина и исключает строгое логичное определение, что, в свою очередь, размывает суть соответствующей концепции.

Нормой в российских статьях также стало говорить «институциональная ловушка» для обозначения эффекта *lock-in* (Либман, 2004; Заостровцев, 2023¹). Заслуга открытия понятия «ловушки» приписывается самым разным авторам, включая Дэвида и Норта (Брижак, 2021, с. 87). Однако в текстах последних, на которые ссылается автор, словосочетание *institutional trap* не встречается ни разу: и эти авторы, и многие другие, изучавшие эволюцию институтов, писали о *lock-in*, тогда как оборот «институциональная ловушка» — исключительно русский.

В 2022 г. явление *path dependence* неожиданно стало «ловушкой предшествующего развития» (Аузан и др., 2022), причем такой термин якобы ввел в оборот П. Дэвид [нет. — А. В., А. К.]. Это уже некий гибрид сразу двух понятий (инсти-

¹ Заостровцев, А. П. (2023). *Критические моменты и эффект колеи в институциональной истории*. Научный доклад, Российский экономический конгресс. URL: <http://www.econorus.org/con2023/program.html?vid=report&eid=4779> (дата обращения: 07.08.2023).

туциональная ловушка и зависимость от предшествующего развития); метис, поскольку одно из них русское, а другое — английское. Выстроить хронологию событий не удастся: то ли П. Дэвид в 1985 г. сформулировал понятие ловушки предшествующего развития (Аузан и др., 2022, с. 25), то ли «в логике „ловушки предшествующего развития”», а по совместительству и эффекта блокировки, начали говорить С. Лейбовиц и Д. Маргулис, начиная с 1995 г. (Аузан и др., 2022, с. 26). Затем авторство разработки теоретических моделей ловушки предшествующего развития, основывающихся на эффекте блокировки, приписывается «Дэвиду-Артуру», а ряду зарубежных ученых — дальнейшие построения (Аузан и др., 2022, с. 26–27). Хотя в исходной статье В.М. Полтеровича говорилось, что «ловушка» и есть «блокировка». Выходит, одна из сущностей — дублирующая. В любом случае, П. Дэвид не использовал словосочетание *lock-in of path dependence*, как и *path dependence trap* («ловушка предшествующего развития»).

Мало кто обратил внимание на то, что в своем не менее значимом, чем книга 1990 г., труде «Понимание процесса институциональных изменений», Д. Норт ни разу не прибегает к термину *lock-in*. На Б. Артура он при этом ссылается, да и о *path dependence* говорит много, но уже без механистических метафор и ссылаясь на то, что само выражение *path dependence* «затерли», злоупотребляя им (North, 2005, p. 51). Возможно, Д. Норт решил отказаться от лишних метафор, не несущих содержательной нагрузки в контексте институционального исследования.

Что же касается России, то еще до попадания в «колею» концепции «институциональной ловушки» теория *path dependence* дала импульс для возникновения в нашей стране целой школы мысли о «социально-экономическом генотипе», «культурном коде» общества (Майминас, 2016; Тамбовский, 2015).

Между тем, «ловушечная» отрасль держит обороты. Словосочетание «институциональная ловушка» принесло 13800 результатов в Google Академии на 31.03.2020 (Верников, 2020, с. 28). С того момента по май 2023 г. в РИНЦ появилось, по меньшей мере, ещё 229 новых русских работ, в которых упоминается «институциональная ловушка». Четырнадцать тысяч выявленных ловушек! (вспоминается: «десять тысяч одних курьеров...»). Образно говоря, подпоручиков Кижэ уже набралось на целую дивизию. Ряды российских трапперов [ловцов, специалистов по ловушкам. — А.В., А.К.] постоянно пополняются, в них активно рекрутируются молодые исследователи. Развернуть такую махину уже невозможно. Трудно не согласиться с тем, что «ловушка» сама стала ловушкой (Брижак, 2021, с. 87), пусть и по другой причине, нежели у цитируемого автора.

Применение концепции «институциональной ловушки» связывалось ее автором с жизнеспособностью институционализма как инструмента исследования (Полтерович, 1999, с. 4). В то же время корректность этой механистической метафоры с самого начала вызывает вопросы: ловушка — это техническое приспособление для поимки жертвы (Фролов, 2013, с. 40). Такое приспособление никак не может возникнуть в природе само собой; всегда должен быть субъект действия. Между тем, идентифицировать подобный субъект и его возможные рациональные мотивы для подавляющего большинства «институциональных ловушек» вряд ли возможно.

Чтобы восстановить исходный смысл слова «ловушка» и очистить концепцию от спекулятивных наслоений, можно было бы определить для него строгие рамки, либо вообще отказаться от использования данного выражения в научной литературе (Верников, 2020, с. 31, 4).

4. Заключение

Перефразируя известный афоризм («Не ту страну назвали...»), можно сказать: не тот эффект назвали блокировкой! Блокировка нового института и в самом деле происходит достаточно часто, однако в российских источниках блокировкой по случайному недоразумению стали называть и совершенно другой эффект, когда новый институт, наоборот, успешно внедрился в чужую институциональную среду и закрепился в ней настолько, что его уже невозможно оттуда выкорчевать. В исходных зарубежных текстах на английском данный эффект обычно называют *lock-in*, и он гармонично вписан в концепцию зависимости от предшествующего пути развития (*path dependence*). Мы установили, что выражение «эффект блокировки» как якобы русский эквивалент метафоры *lock-in* вошло в оборот в 1997 г. после опубликования перевода книги Д. Норта. Вскоре оно стало настолько общепотребимым, что впору говорить о том, что неточность перевода сама совершила *lock-in* в отечественной научной литературе и проложила колею (*path dependence*).

Блокировка означает неприятие, отторжение, отказ от нового института. Более адекватный перевод английского *lock-in* предполагает такие варианты, как «фиксация» нового института, «привязка» к нему, его необратимость, «заклинивание» или «застревание». По нашему мнению, разграничение этих понятий поможет улучшить понимание институциональной динамики, качество проводимых исследований, а также экономических и социальных преобразований. Отказаться от отождествления *lock-in* и «эффекта блокировки» нелегко из-за издержек (в виде урона для репутации десятков видных ученых, необходимости отзыва и исправления опубликованных статей), а переучивать акторов сложно и трудоемко.

Сама формулировка проблематики институциональных изменений и их результата через призму концепций *lock in* и *path dependence* несколько вторична по отношению к работам исходной институциональной теории.

В русской институциональной литературе термины *lock-in* и *path dependence* считают схожими до степени смешения и используют их как синонимы, не разделяя их, хотя это некорректно. Комбинация этих эффектов — зависимости от предшествующего пути развития с деградацией, мутацией или «неэффективностью» института, которому удалось закрепиться, — породила нечто, названное «институциональной ловушкой». Поначалу эта была лишь метафора и творческий перевод выражения *lock-in*, как и указывал ее автор. Однако вскоре эта метафора выросла в целую квази-теорию, подкрепленную даже математическим аппаратом. Словосочетание «институциональная ловушка», равно как и «эффект блокировки», стали понимать и применять чересчур расширительно; нередко для того, чтобы осудить те или иные явления или формы взаимодействий как неэффективные. За границами нашей страны данный концепт особого признания не получил.

Параллельное сосуществование нескольких дублирующих друг друга сущностей в экономической науке становится результатом невдумчивого перевода и неаккуратного заимствования из других языков, прежде всего английского. Вместо «трудности перевода» (*lost in translation*) — легкость перевода. В итоге, как писал О.В. Иншаков, теряется четкость текстов и чуткость к текстам, зато происходит инфляция продуктов познания и девальвация институциональной мысли в России (Иншаков, 2007, с. 7). Провести здесь «исправление имен» будет сложно, если вообще возможно, но попытаться мы обязаны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аузан, А. А. (2007). «Колея» российской модернизации. *Общественные науки и современность*, 6, 54–60.
- Аузан, А. А., Лепетиков, Я. Д., Ситкевич, Д. А. (2022). Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений. *Вопросы теоретической экономики*, 1, 24–47.
- Балацкий, Е. В. (2002). Функциональные свойства институциональных ловушек. *Экономика и математические методы*, 38(3), 54–72.
- Балацкий, Е. В. (2020). «Институциональная ловушка»: научный термин и красивая метафора. *Journal of Institutional Studies*, 12(3), 24–41. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.024-041>
- Брижак, О. В. (2021). Институциональные ловушки развития креативного потенциала корпорации. *Экономическая наука современной России*, 3, 87–96. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3\(94\)-87-96](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-87-96)
- Веблен, Т. (2006). Почему экономика не является эволюционной наукой? *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, 4(2), 99–111.
- Веблен, Т. (2018). *Инженеры и ценовая система*. Пер. с англ. И. Кошкина; под науч. ред. А. Смирнова. Москва: Издательский дом ВШЭ, 112.
- Верников, А. В. (2009). Мутация импортных институтов (на примере институтов корпоративного управления). Под ред. Р. Н. Евстигнеева. *Концептуальные проблемы рыночной трансформации в России* (С. 217–249). Москва: ИЭ РАН.
- Верников, А. В. (2019). Кому и зачем было нужно гарантирование банковских вкладов? *Экономическая социология*, 20(2), 104–121.
- Верников, А. В. (2020). «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 25–37. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037>
- Веселов, Д. А., Яркин, А. М. (2022). Институциональные изменения, неравенство и долгосрочное экономическое развитие: теория и эмпирика. *Вопросы экономики*, 1, 47–71. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-47-71>
- Вольчик, В. В. (2007). Край упущенных возможностей: институциональная история Донского аграрного и торгового предпринимательства. *Историко-экономические исследования*, 8(3), 85–103.
- Вольчик, В. В., Бережной, И. В. (2006). Институт власти-собственности и российский хозяйственный порядок в контексте эволюционной экономической теории. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 4, 87–92.
- Вольчик, В. В., Корытцев, М. А., Маслюкова, Е. В. (2019). Институты и идеология менеджизма в сфере высшего образования и науки. *Управленец*, 10(6), 15–27. <http://dx.doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-6-2>
- Гоосен, Е. В., Попова, Е. Ю. (2015). Теория институциональной модернизации: Истоки и перспективы. *Современные проблемы науки и образования*, 1–1, 756–756.
- Дьяков, А. И. (2012). Графическая ассимиляция англицизмов в русском языке. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, 2, 12–21.
- Иншаков, О. В. (2007). Институты и институции в современной экономической теории. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*, 11, 6–21.
- Иншаков, О. В., Фролов, Д. П. (2010). *Лингвистика институциональной экономики*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 279.
- Кирдина, С. Г. (2001). *Институциональные матрицы и развитие России*. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, 237. <https://elibrary.ru/rbveor> (дата обращения: 16.04.2023)

- Кузьминов, Я., Радаев, В., Яковлев, А., Ясин, Е. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений). *Вопросы экономики*, 5, 5–27. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-5-5-27>
- Курбатова, М. В., Левин, С. Н., Саблин, К. С. (2021). Импорт инструментов научной политики в современной России (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений). *Journal of Institutional Studies*, 13(3), 37–52. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.3.037-052>
- Либман, А. М. (2004). Государство и бизнес на постсоветском пространстве: неэффективное равновесие и «институциональные ловушки». *Россия и современный мир*, 4, 90–105.
- Майминас, Е. З. (2016). Социально-экономический генотип общества (1989). *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 4, 186–204. <https://doi.org/10.38050/013001052016415>
- Макаренко, В. П. (2019). Послесловие научного редактора. *Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках* (С. 260–271). Москва: ИНФРА-М.
- Макарин, А. В. (2016). Политическая конкуренция vs политическая стабильность в современной России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения*, 1, 28–39.
- Нестеренко, А. Н. (1997). Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории. *Вопросы экономики*, 3, 42–57.
- Нечаев, Д. Н., Любкина, О. Р. (2021). Институциональные изменения в государственной политике реиндустриализации и новой индустриализации регионов России: фактор промышленных парков (на примере областей ЦФО). *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*, 18(6), 93–104. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-6-93-104>
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 180.
- Нуреев, Р. М., Латов, Ю. В. (2006). Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты. Под ред. Я. И. Кузьминова и др. *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса* (С. 228–256). Москва: ГУ — ВШЭ.
- Олейник, А. Н. (2019). *Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках*. Москва: ИНФРА-М, 300.
- Полищук, Л. (2008). Нецелевое использование институтов: причины и следствия. *Вопросы экономики*, 8, 28–44. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-8-28-44>
- Полтерович, В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы. *Экономика и математические методы*, 35(2), 3–20.
- Полтерович, В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*, 3, 24–50.
- Полтерович, В. М. (2006). Предисловие редактора. *Институциональные ловушки Полтеровича и транзакционные издержки* (С. 3–9). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.
- Полтерович, В. М. (2007). *Элементы теории реформ*. Москва: Экономика, 446.
- Соколов, М. М., Титаев, К. Д. (2013). Провинциальная и туземная наука. *Антропологический форум*, 19, 239–275.
- Тамбовцев, В. Л. (2015). Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях. *Вопросы экономики*, 12, 85–106. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-12-85-106>
- Тамбовцев, В. Л. (2019). Управление без измерений. *Terra Economicus*, 17(3), 6–29. <http://dx.doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-6-29>
- Фролов, Д. П. (2013). Метафоризм институционализма: физикализм vs биологизм. *Terra Economicus*, 11(3), 34–51. <http://dx.doi.org/10.24412/2410-4531-2013-3-34-51>
- Шарилов, А. В. (2013). Телевидение и общество: нравственный конфликт. *Художественная культура*, 3(8), 3.
- Ansell, V. (2008). University challenges: Explaining institutional change in higher education. *World Politics*, 60(2), 189–230. <https://doi.org/10.1353/wp.0.0009>

Arthur, B. (1983). *On Competing Technologies and Historical Small Events: The Dynamics of Choice under Increasing Returns*. Technological Innovation Program Workshop Paper, Department of Economics, Stanford University, November.

Arthur, W. B. (1988). Self-Reinforcing Mechanisms in Economics. In Anderson, Ph., Arrow, K., Pines, D. (Eds.), *The Economy as an Evolving Complex System* (pp. 9–32). Reading, MA.: Addison-Wesley.

Arthur, W. B., Ermoliev, Yu. M., Kaniovski, Yu. M. (1987). Path-Dependent Processes and the Emergence of Macro-Structure. *European Journal of Operational Research*, 30(3), 294–303. [https://doi.org/10.1016/0377-2217\(87\)90074-9](https://doi.org/10.1016/0377-2217(87)90074-9)

Beckert, J. (1999). Agency, Entrepreneurs, and Institutional Change. The Role of Strategic Choice and Institutionalized Practices in Organizations. *Organization Studies*, 20(5), 777–799. <https://doi.org/10.1177/0170840699205004>

Capoccia, G. (2016). When Do Institutions “Bite”? Historical Institutionalism and the Politics of Institutional Change. *Comparative Political Studies*, 49(8), 1095–1127.

Commons, J. R. (1959). *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*. Madison: The University of Wisconsin Press, 457.

David, P. (1985). Clio and the Economics of QWERTY. *The American Economic Review*, 75(2), 332–337.

David, P. A. (1994). Why are Institutions the “Carriers of History”? Path Dependence and the Evolution of Conventions, Organizations and Institutions. *Structural Change and Economic Dynamics*, 5(2), 205–220. [https://doi.org/10.1016/0954-349X\(94\)90002-7](https://doi.org/10.1016/0954-349X(94)90002-7)

Farrell, H., Héritier, A. (2007). Conclusion: Evaluating the Forces of Interstitial Institutional Change. *West European Politics*, 30(2), 405–415. <http://dx.doi.org/10.1080/01402380701239962>

Fernandez, R., Rodrik, D. (1991). Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual-Specific Uncertainty. *The American Economic Review*, 81(5), 1146–1155.

Gruchy, A. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution*. N.Y.: Prentice-Hall, Inc, 670.

Hacker, J. S., Pierson, P., Thelen, K. A. (2015). Drift and Conversion: Hidden Faces of Institutional Change. In J. Mahoney, K. Thelen (Eds.), *Advances in Comparative-Historical Analysis* (pp.180–208). Cambridge: Cambridge University Press.

Hodgson, G. M. (2004). Reclaiming Habit for Institutional Economics. *Journal of Economic Psychology*, 25(5), 651–660. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2003.03.001>

Hodgson, G. M. (2019). Taxonomic Definitions in Social Science, with Firms, Markets and Institutions as Case Studies. *Journal of Institutional Economics*, 15(2), 207–233. <https://doi.org/10.1017/S1744137418000334>

McCloskey, D. (1983). The Rhetoric of Economics. *Journal of Economic Literature*, 21(2), 481–517.

North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>

North, D. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 200.

Peirce, Ch. (1934). How to Make our Ideas Clear. *Collected Papers, Vol. V. Pragmatism and Pragmaticism*. Cambridge: Harvard University Press, bk. II, ch. 5.

Rodrik, D. (1996). Understanding Economic Policy Reform. *Journal of Economic Literature*, 34(1), 9–41.

Roland, G. (2000). *Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms*. Cambridge, MA: MIT Press, 430.

Schmid, A. (2004). *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 342.

Thelen, K. (2009). Institutional Change in Advanced Political Economies. *British Journal of Industrial Relations*, 47(3), 471–498. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.2009.00746.x>

- Veblen, T. (1922). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. N.Y.: B.W. Huebsch.
- Veblen, T. (1961). *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen*. N.Y.: Russel & Russel.
- Veblen, T. (2003). *Imperial Germany and the Industrial Revolution*. Kitchener: Batoche Books, 147.
- Waylen, G. (2013). Informal Institutions, Institutional Change, and Gender Equality. *Political Research Quarterly*, 67 (1), 212–223. <https://doi.org/10.1177/1065912913510360>
- Whalen, Ch. J. (2022). Storytelling and Institutional Change. In Whalen, Ch. (Ed.) *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (pp. 247–270). London: Routledge.
- Woodruff, D. (2004). Property Rights in Context: Privatization’s Legacy for Corporate Legality in Poland and Russia. *Studies in Comparative International Development*, 38 (4), 82–108. <https://doi.org/10.1007/BF02686329>

References

- Ansell, B. (2008). University Challenges: Explaining Institutional Change in Higher Education. *World Politics*, 60 (2), 189–230. <https://doi.org/10.1353/wp.0.0009>
- Arthur, W. B. (1983). *On Competing Technologies and Historical Small Events: The Dynamics of Choice under Increasing Returns*. Technological Innovation Program Workshop Paper, Department of Economics, Stanford University, November.
- Arthur, W. B. (1988). Self-Reinforcing Mechanisms in Economics. In Anderson, Ph., Arrow, K., Pines, D. (Eds.), *The Economy as an Evolving Complex System* (pp. 9–32). Reading, MA.: Addison-Wesley.
- Arthur, W. B., Ermoliev, Yu. M., & Kaniovski, Yu. M. (1987). Path-Dependent Processes and the Emergence of Macro-Structure. *European Journal of Operational Research*, 30 (3), 294–303. [https://doi.org/10.1016/0377-2217\(87\)90074-9](https://doi.org/10.1016/0377-2217(87)90074-9)
- Auzan, A. (2007). Koleya rossiyskoi modernizatsii [“The track” of Russian modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*, 6, 54–60. (In Russ.)
- Auzan, A., Lepetikov, Ya., & Sitkevich, D. (2022). Koleya i mayatnik: vliyaniye lovushki predshestvuyushchego razvitiya na dinamiku institutsionalnykh izmeneniy [Track and Pendulum: Impact of the Past Dependence Problem on the Dynamics of Institutional Change]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, 1, 24–47. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_24_47
- Balatsky, E. (2020). “Institutsionalnaya lovushka”: nauchnyy termin i krasivaya metafora [“Institutional Trap”: Both a Productive Concept and a Fine Metaphor]. *Journal of Institutional Studies*, 12 (3), 24–41. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.024-041> (In Russ.)
- Balatsky, E. V. (2002). Funktsional’nye svoystva institutsional’nykh lovushek [Functional Features of Institutional Traps]. *Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and Mathematical Methods]*, 38 (3), 54–72. (In Russ.)
- Beckert, J. (1999). Agency, Entrepreneurs, and Institutional Change. The Role of Strategic Choice and Institutionalized Practices in Organizations. *Organization Studies*, 20 (5), 777–799. <https://doi.org/10.1177/0170840699205004>
- Brizhak, O. V. (2021). Institutsionalnyye lovushki razvitiya kreativnogo potentsiala korporatsii [Institutional traps for the development of a corporation’s creative potential]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 3, 87–96. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3\(94\)-87-96](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-87-96) (In Russ.)
- Capoccia, G. (2016). When Do Institutions “Bite”? Historical Institutionalism and the Politics of Institutional Change. *Comparative Political Studies*, 49 (8), 1095–1127.
- Commons, J. R. (1959). *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*. Madison: The University of Wisconsin Press, 457.
- David, P. (1985). Clio and the Economics of QWERTY. *The American Economic Review*, 75 (2), 332–337.

David, P. A. (1994). Why are Institutions the “Carriers of History”? Path Dependence and the Evolution of Conventions, Organizations and Institutions. *Structural Change and Economic Dynamics*, 5(2), 205–220. [https://doi.org/10.1016/0954-349X\(94\)90002-7](https://doi.org/10.1016/0954-349X(94)90002-7)

Dyakov, A. I. (2012). Graficheskaya assimilyatsiya anglitsizmov v russkom yazyke [Graphic Assimilation of Anglicisms in Russian]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Theory of Language and Intercultural Communication]*, 2, 12–21. (In Russ.)

Farrell, H., & Héritier, A. (2007). Conclusion: Evaluating the Forces of Interstitial Institutional Change. *West European Politics*, 30(2), 405–415. <http://dx.doi.org/10.1080/01402380701239962>

Fernandez, R., & Rodrik, D. (1991). Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual-Specific Uncertainty. *The American Economic Review*, 81(5), 1146–1155.

Frolov, D. P. (2013). Metaforizm institutsionalizma: fizikalizm vs biologizm [Metaphorism of Institutionalism: Physicalism vs Biologism]. *Terra Economicus*, 11(3), 34–51. <http://dx.doi.org/10.24412/2410-4531-2013-3-34-51> (In Russ.)

Goosen, E. V., & Popova, E. Yu. (2015). Teoriya institutsionalnoy modernizatsii: istoki i perspektivy [Theory of Institutional Modernization: Origins and Prospects]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education]*, 1–1, 756–756. (In Russ.)

Gruchy, A. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution*. N.Y.: Prentice-Hall, Inc, 670.

Hacker, J. S., Pierson, P., Thelen, K. A. (2015). Drift and Conversion: Hidden Faces of Institutional Change. In J. Mahoney, K. Thelen (Eds.), *Advances in Comparative-Historical Analysis* (pp.180–208). Cambridge: Cambridge University Press.

Hodgson, G. M. (2004). Reclaiming Habit for Institutional Economics. *Journal of Economic Psychology*, 25(5), 651–660. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2003.03.001>

Hodgson, G. M. (2019). Taxonomic Definitions in Social Science, with Firms, Markets and Institutions as Case Studies. *Journal of Institutional Economics*, 15(2), 207–233. <https://doi.org/10.1017/S1744137418000334>

Inshakov, O. V. (2007). Instituty i institutsii v sovremennoy ekonomicheskoy teorii [Institutes and Institutions in Modern Economic Theory]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya [Journal of Volgograd State University. Economics]*, 11, 6–21. (In Russ.)

Inshakov, O. V., & Frolov, D. P. (2010). *Lingvistika institutsionalnoy ekonomiki [Linguistics of Institutional Economics]*. Volgograd, Russia: Volgograd State University Publishing House, 279. (In Russ.)

Kirdina, S. G. (2001). *Institutsionalnyye matritsy i razvitiye Rossii [Institutional Matrices and Development in Russia]*. Novosibirsk, Russia: Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS. <https://elibrary.ru/rbveor> (Date of access: 16.04.2023) (In Russ.)

Kurbatova, M. V., Levin, S. N., & Sablin, K. S. (2021). Import instrumentov nauchnoy politiki v sovremennoy Rossii [Import of Scientific Policy Instruments in Contemporary Russia]. *Journal of Institutional Studies*, 13(3), 37–52. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.3.037-052> (In Russ.)

Kuzminov, Y., Radaev, V., Yakovlev, A., & Yasin, E. (2005). Instituty: ot zaimstvovaniya k vyrashchivaniyu (opyt rossiyskikh reform i vozmozhnosti kultivirovaniya institutsionalnykh izmeneniy) [Institutions: From Import to Raising (Lessons from the Russian Reforms and Opportunities for Cultivation of Institutional Change)]. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 5–27. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-5-5-27> (In Russ.)

Libman, A. M. (2004). Gosudarstvo i biznes na postsovetskom prostranstve: neeffektivnoye ravnovesiye i “institutsionalnyye lovushki” [The State and Business in the Post-Soviet Space: Inefficient Equilibrium and “Institutional Traps”]. *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]*, 4, 90–105. (In Russ.)

Maiminas, E. Z. (2016). Sotsialno-ekonomicheskii genotip obshchestva (1989) [Socioeconomic Genotype of a Society (1989)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6, Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin]*, 4, 186–204. <https://doi.org/10.38050/013001052016415> (In Russ.)

- Makarenko, V. P. (2019). Poslesloviye nauchnogo redaktora [Afterword by the scientific editor]. *Nauchnyye transaktsii: seti i iyerarkhii v obshchestvennykh naukakh [Scientific Transactions: Networks and Hierarchies in Social Sciences]* (pp. 260–271). Moscow, Russia: INFRA-M. (In Russ.)
- Makarin, A. V. (2016). Politicheskaya konkurentsia vs politicheskaya stabilnost' v sovremennoy Rossii [Political Competition and Political Stability in Contemporary Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye Otnosheniya [Vestnik of Saint Petersburg State University. Political science. International Relations]*, 1, 28–39. (In Russ.)
- McCloskey, D. (1983). The Rhetoric of Economics. *Journal of Economic Literature*, 21 (2), 481–517.
- Nechaev, D. N., & Liubkina, O. R. (2021). Institutsionalnyye izmeneniya v gosudarstvennoy politike reindustrializatsii i novoy industrializatsii regionov Rossii: faktor promyshlennykh parkov (na primere oblastey TSFO) [Institutional Changes in State Policy of Re-Industrialization and Industrialization of Regions in Russia: The Factor of Industrial Parks (illustrated by regions of the Central Federal district)]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics]*, 18(6), 93–104. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-6-93-104> (In Russ.)
- Nesterenko, A. N. (1997). Sovremennoye sostoyaniye i osnovnyye problemy institutsionalno-evolyutsionnoi teorii [The Current State and Main Problems of Institutional and Evolutionary Theory]. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 42–57. (In Russ.)
- North, D. (1997). *Instituty, institutsionalnyye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]*. Moscow, Russia: Nachala Publ., 180. (In Russ.)
- North, D. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 200.
- North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
- Nureev, R. M., & Latov, Y. V. (2006). Chto takoye zavisimost ot predshestvuyushchego razvitiya i kak yeyo izuchayut rossiyskiye ekonomisty [What is path dependence and how it is analyzed by Russian scholars]. In Kuzminov et al. (Eds.), *Istoki: iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessa [Origins: From the Experience of Studying the Economy as a Structure and Process]* (pp. 228–256). Moscow, Russia: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Oleynik, A. N. (2019). *Nauchnyye transaktsii: Seti i iyerarkhii v obshchestvennykh naukakh [Scientific Transaction: Networks and Hierarchies in Social Sciences]*. Moscow: INFRA-M, 300. (In Russ.)
- Peirce, Ch. (1934). How to Make our Ideas Clear. *Collected Papers*, vol. V. *Pragmatism and Pragmaticism*. Cambridge: Harvard University Press, bk. II, ch. 5.
- Polishchuk, L. (2008). Netselevoe ispolzovanie institutov: prichiny i sledstviya [Misuse of Institutions: Its Causes and Consequences]. *Voprosy Ekonomiki*, 8, 28–44. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-8-28-44> (In Russ.)
- Polterovich, V. (2006). Predisloviye redaktora [The editor's foreword]. *Institutsionalnyye lovushki Polterovicha i transaktsionnyye izderzhki [Polterovich's Institutional Traps and Transaction Costs]* (pp. 3–9). Ekaterinburg, Russia: Institute of Economics of the Ural Branch of RAS. (In Russ.)
- Polterovich, V. M. (1999). Institutsionalnyye lovushki i ekonomicheskiye reformy [Institutional Traps and Economic Reforms]. *Ekonomika i matematicheskie metody Economics and Mathematical Methods*, 35(2), 3–20. (In Russ.)
- Polterovich, V. M. (2001). Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of Economic Institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 3, 24–50. (In Russ.)
- Polterovich, V. M. (2007). *Elementy teorii reform [Elements of the Theory of Reform]*. Moscow, Russia: Ekonomika Publ., 446. (In Russ.)
- Rodrik, D. (1996). Understanding Economic Policy Reform. *Journal of Economic Literature*, 34(1), 9–41.
- Roland, G. (2000). *Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms*. Cambridge, MA: MIT Press, 430.

Schmid, A. (2004). *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 342.

Sharikov, A. V. (2013). Televideniye i obshchestvo: нравstvennyi konflikt [Television and Society: A Moral Conflict]. *Khudozhestvennaya kul'tura [Art & Culture Studies]*, 3(8), 3. (In Russ.)

Sokolov, M., & Titaev, K. (2013). Proviatsial'naya i tuzemnaya nauka ["Provincial" and "Indigenous" Scholarship in the Humanities and Social Sciences]. *Antropologicheskii forum [Forum for Anthropology and Culture]*, 19, 239–275. (In Russ.)

Tambovtsev, V. L. (2015). Mif o "kulturnom kode" v ekonomicheskikh issledovaniyakh [The Myth of the "Culture Code" in Economic Research]. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 85–106. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-12-85-106> (In Russ.)

Tambovtsev, V. L. (2019). Upravleniye bez izmereniy [Management without Measurement]. *Terra Economicus*, 17(3), 6–29. <http://dx.doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-6-29> (In Russ.)

Thelen, K. (2009). Institutional Change in Advanced Political Economies. *British Journal of Industrial Relations*, 47(3), 471–498. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.2009.00746.x>

Veblen, T. (1922). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. N.Y.: B.W. Huesch.

Veblen, T. (1961). *The Place of Science in Modern Civilisation and Other Essays by Thorstein Veblen*. N.Y.: Russel & Russel.

Veblen, T. (2003). *Imperial Germany and the Industrial Revolution*. Kitchener: Batoche Books, 147.

Veblen, T. (2006). Pochemu ekonomika ne yavlyayetsya evolyutsionnoy naukoj? [Why is Economics not an Evolutionary Science?]. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta [Economic Herald of Rostov State University]*, 4(2), 99–111. (In Russ.)

Veblen, T. (2018). *Inzhenery i tsenovaya sistema [The Engineers and the Price System]*. Translated by I. Koshkin. In A. Smirnov (Ed.). Moscow, Russia: HSE Publ., 112. (In Russ.)

Vernikov, A. (2019). Komu i zachem bylo nuzhno garantirovanie bankovskikh vkladov? [Explicit Deposit Guarantee in Russia: Who Needed It and What For?]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*, 20(2), 104–121. (In Russ.)

Vernikov, A. (2020). "Institutsionalnaya lovushka": nauchnyy termin ili krasivaya metafora? [How Much Substance is There Behind the Concept of "Institutional Trap"?]. *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 25–37. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037> (In Russ.)

Vernikov, A. V. (2009). Mutatsiya importnykh institutov (na primere institutov korporativnogo upravleniya [Corporate governance institutions in Russia: Import and mutation]). In R. N. Evstigneev (Ed.), *Kontseptualnyye problemy rynochnoy transformatsii v Rossii [Conceptual Issues of Market Transformation in Russia]* (pp. 217–249). Moscow, Russia: Institute of Economics of RAS. (In Russ.)

Veselov, D. A., & Yarkin, A. M. (2022). Institutsionalnyye izmeneniya, neravenstvo i dolgosrochnoye ekonomicheskoye razvitiye: teoriya i empirika [Institutional Changes, Inequality and Long-Run Economic Development: Theory and Empirics]. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 47–71. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-47-71> (In Russ.)

Volchik, V. V. (2007). Kray upushchennykh vozmozhnostey: institutsionalnaya istoriya Donskogo agrarnogo i torgovogo predprinimatelstva [The Edge of Missed Opportunities: The Institutional History of the Don Agrarian and Commercial Entrepreneurship]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Historical and Economic Research]*, 8(3), 85–103. (In Russ.)

Volchik, V. V., & Berezhnoy, I. V. (2006). Institut vlasti-sobstvennosti i rossiyskiy khozyaystvennyy poryadok v kontekste evolyutsionnoi ekonomicheskoi teorii [The Institution of Power and Property and the Russian Economic Order in the Context of Evolutionary Economic Theory]. *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki [Bulletin of Higher Educational Institutes. North Caucasus Region. Social Sciences]*, 4, 87–92. (In Russ.)

Volchik, V. V., Koryttsev, M. A., & Maslyukova, E. V. (2019). Instituty i ideologiya menedzherizma v sfere vysshego obrazovaniya i nauki [Institutions and Ideology of Managerialism in Higher Education and Science]. *Upravlenets — The Manager*, 10(6), 15–27. <http://dx.doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-6-2> (In Russ.)

Waylen, G. (2013). Informal Institutions, Institutional Change, and Gender Equality. *Political Research Quarterly*, 67(1), 212–223. <https://doi.org/10.1177/1065912913510360>

Whalen, Ch. J. (2022). Storytelling and Institutional Change. In Whalen, Ch. (Ed.) *Institutional Economics. Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World* (pp. 247–270). London: Routledge.

Woodruff, D. (2004). Property Rights in Context: Privatization's Legacy for Corporate Legality in Poland and Russia. *Studies in Comparative International Development*, 38(4), 82–108. <https://doi.org/10.1007/BF02686329>

Информация об авторах

Верников Андрей Владимирович — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; <https://orcid.org/0000-0003-1561-9458> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: vernikov@inecon.ru).

Курешева Анна Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Южный федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0001-8334-4594> (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42; e-mail: suaveanna7@gmail.com).

About the authors

Andrei V. Vernikov — Dr. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-1561-9458> (32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: vernikov@inecon.ru).

Anna A. Kurysheva — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Southern Federal University; <https://orcid.org/0000-0001-8334-4594> (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: suaveanna7@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 16.05.2023.

Прошла рецензирование: 14.06.2023.

Принято решение о публикации: 22.08.2023.

Received: 16 May 2023

Reviewed: 14 Jun 2023.

Accepted: 22 Aug 2023.